

Енгальчев В. Ф., Захарова Е.А. Анализ интертекстуальности при производстве комплексных психолого-лингвистических экспертиз / Актуальные вопросы комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы: материалы международной научно-практической конференции «Восток-Запад: партнерство в судебной экспертизе». — Калининград, 2009. — С. 56-62.

Без понимания явления интертекстуальности эксперт-лингвист не сможет полно и объективно проанализировать сложные полисемантические тексты, в которых отрицательное отношение к личности определенного человека может быть выражено в форме аллюзий или реминисценций.

При производстве комплексных психолого-лингвистических экспертиз эксперт-лингвист нередко сталкивается с проблемой толкования текста, в котором содержатся такие языковые явления, как аллюзия и реминисценция. В частности, сложность возникает при выявлении факта возможного оскорбления, когда фраза или выражение являются интертекстом (заимствованием, «чужим» текстом). В этом случае перед экспертом встает вопрос, считать ли это действительно оскорблением или относить его к отсылочному толкованию из постного явления?

Согласно ст. 130 УК РФ, оскорблением считается унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной или циничной форме, или содержащееся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации. При оскорблении унижение чести и достоинства выражается в отрицательной оценке личности потерпевшего, которая подрывает его престиж в глазах окружающих и наносит ущерб уважению к самому себе. Но если оскорбление — это нанесение обиды, которое может быть выражено устно, например, в виде ругательств и нецензурных прозвищ; письменно — в виде текстов неприличного содержания; в виде телодвижений — пощечин, плевков и т.п., и при этом все эти действия недвусмысленно относятся непосредственно к адресату, иносказательный текст нуждается в филологическом анализе.

Для решения данной проблемы эксперту необходимо обладать определенной подготовкой в сфере юридической психолингвистики (Енгальчев, 2000), в частности, быть знакомым с таким языковым явлением, как интертекстуальность.

До сих пор нет единого мнения о том, кто стоял у истоков теории интертекстуальности. Н.А. Кузьмина, например, считает ее тремя основными источниками полифоническое литературоведение М. Бахтина, учение о пародии Ю. Тынянова и теорию анаграмм Ф. де Соссюра (Кузьмина, 1999, с. 8). Кроме того, понятие интертекстуальности тесно связывают с положением весь «мир есть текст», сформулированным Ж. Деррида. Вместе с тем, в отношении содержания этого понятия мнения большинства ученых практически не расходятся.

Интертекстуальность это способность любого текста вступать в диалог с другими текстами, «где слово и текст рассматриваются не как единицы устойчивого смысла, а как пересечение различных смыслов, как мозаика цитат и продукта накопления и трансформации предшествующего текста» (Молчанова, 1988, с. 162). Интертекстуальность представляет собой общее поле анонимных микротекстов, происхождение которых не всегда можно обнаружить без специальных знаний о них.

Возможностью нести интертекстуальный смысл обладают элементы не только лексического, но и грамматического, словообразовательного, фонетического уровней организации текста; он может также опираться на систему орфографии и пунктуации, на выбор графического оформления текста — шрифтов, способа расположения текста на плоскости.

Как правило, интертекстуальность вводится такими приемами, как аллюзия, цитата, реминисценция, эпитафия, метонимия. Среди этих приемов особое место занимают

такие яркие средства выражения интертекста, «чужого» текста, как аллюзия и реминисценция.

В науке приняты следующие распространенные определения данных понятий: *иллюзия* (лат. *Allusio* — намек, шутка) — стилистический прием; употребляется в речи или в художественных произведениях ходового выражения в качестве намека на известный факт, исторический или бытовой; стилистическая фигура, заключающаяся в соотношении описываемого или происходящего в действительности с устойчивым понятием или словосочетанием литературного, исторического, мифологического порядка, например: «*Не хочу я... растекаться мыслью по древу*» — Щедрин; отсылка к «Слову о полку Игореве».

«Литературная аллюзия», как считает И. Р. Гальперин, является средством создания межтекстовых связей, это не более чем прием, заключающийся в том, что аллюзия «намекает» на некое событие, бывшее в действительности, либо вымышленное. По его мнению, она может функционировать также как средство «расширенного переноса свойств и качеств мифологических, библейских, литературных, исторических персонажей и событий на те, о которых идет речь в данном высказывании», в таком случае, «аллюзия не восстанавливает хорошо известный образ, а извлекает из него дополнительную информацию» (Гальперин, 2008, с. 11).

Вопрос состоит в том, что эта дополнительная информация, этот «добавочный смысл», возможно, содержит в себе оскорбление.

В качестве примера такой оскорбительной аллюзии можно привести психолого-лингвистическую экспертизу по одной из заключительных сцен мультфильма «Мультипликационные войны, вторая часть», мультсериала «Южный парк».

Заключение было подготовлено по обращению адвокатского бюро профессора М. Кузнецова согласно ст. 6 ФЗ №63, от 31.05.2002.

Указанная сцена содержит игровые действия мультипликационных персонажей, среди которых имеется мужчина, по своему внешнему виду представляющий мультипликационное изображение Иисуса Христа, либо создающий аллюзии к Иисусу Христу (в сцене он именуется просто как «Иисус»).

Эксперты пришли к выводу, что в восприятии подавляющего большинства зрителей имя Иисус ассоциируется именно с Иисусом Христом. Тем более, эти ассоциации будут усиливаться видом облачений этого мультперсонажа, схематично отсылающим именно к той эпохе двухтысячелетней давности, когда, как гласит Новый Завет, в земном мире жил Иисус Христос, а также тем фактом, что сериал «Южный парк» и во многих других сериях обращается к образу Иисуса Христа, всячески издеваясь над этим образом и над религиозными чувствами верующих христиан.

На примере данной психолого-лингвистической экспертизы можно сделать вывод, что, если эксперт сумеет выявить связь аллюзии с конкретным общеизвестным фактом, который может содержать намерение оскорбить или унижить, то, соответственно, установит и сам факт правонарушения.

Иногда связь между аллюзией, имеющей намерение оскорбить, и связью с явлением, вызывающим эту аллюзию, представляется еще более неопределенной. В таком случае следует говорить о близком в своем роде к понятию «аллюзия» понятию «реминисценция». *Реминисценция* (лат. *Reminiscentia* — воспоминание): намеренное или невольное воспроизведение в тексте знакомой фразовой или образной конструкции; смутное воспоминание; явление, наводящее на сопоставление с чем-либо; отзвук иного произведения в поэзии, музыке и пр. (Русский язык: энциклопедия., 1997, с. 424). Например: «*Путин рубит дверь в Европу., а олигархи против*» (заголовок). «*Речь идет о сотрудничестве, прежде всего в экономической сфере. Но для того, чтобы такое сотрудничество развивалось, необходимо проделать колоссальную работу внутри страны, вычистить море грязи. В частности, отдалить олигархов от Кремля...*» (Моск. коме, 2000, № 12).

Трансформированное выражение «Путин рубит дверь в Европу.., а олигархи против» представляет собой реминисценцию из «Медного всадника» А. С. Пушкина: *«И думал он: / Отсель грозить мы будем шведу. / Здесь будет город заложен, / Назло надменному соседу. / Природой здесь нам суждено / В Европу прорубить окно».*

С помощью данной реминисценции, а также выражения «необходимо... вычистить море грязи» автор предлагает свое видение ситуации, причем в статье не говорится о том, против чего выступают олигархи, в чем это несогласие выражается, о каком море грязи идет речь и кто и как его должен чистить.

Таким образом, одной общей особенностью аллюзий и реминисценций является то, что оба эти понятия — заимствования, которые направлены на воспроизведение «чужого» текста с целью определенным образом воздействовать на адресата, в том числе, возможно, и оскорбить либо унижить его.

Следовательно, и аллюзия, и реминисценция являются средствами межтекстуального общения, которые расширяют границы любого текста и придают тексту специфическую психологическую окраску.

Проблема для эксперта состоит в том, что гетерогенность аллюзий и реминисценций не очевидна, а требует доказательств. Отсюда его задачами в такого рода текстах становятся обнаружение аллюзий и реминисценций, установление их связи с текстом первоисточника и выявление негативной оценки и отношении личности потерпевшего с целью доказательства умысла оскорбления.

Для такого доказательства эксперт должен четко разграничивать функции аллюзий и реминисценций.

Одной отличительной функцией аллюзии, в отличие от реминисценции, является ее ярко-выраженный политический характер, когда при помощи намека указывается на то, что по цензурным условиям нельзя высказать прямо.

Здесь огромную роль приобретает значение *подтекста*, т.е. важно, когда, с какой целью и в каком значении употреблена аллюзия, и как она связана с личностью потерпевшего. Например: *«Премьер-министр Канады с удивительным тактом замял скандал, вызванный заявлением своей советницы: она назвала президента США «слабоумным». Жан реабилитировал Джорджа с грациозностью бегемота: «Он совсем не идиот. Он — друг». Скажи мне, кто твой друг...»* (Коме, правда. 2002. №220). В данном случае автор рассчитывает на читательскую эрудицию. Адресаты без особых усилий восстановят усеченную часть пословицы *«и я скажу, кто ты»*, которая несет на себе главный смысл всего текста.

Кроме того, аллюзия исторична и, по большей своей части, злободневна, то есть почти всегда содержит намеки на остросоциальные общественно-политические события.

Реминисценция или аллюзия может быть эксплицитной, рассчитанной на узнавание, или имплицитной. Во втором случае особенно важен момент верификации, тем более что, в отличие от цитаты, реминисценция или аллюзия может быть не осознанной самим автором.

Задача эксперта в таком случае заключается в соотнесении высказываемого с личностью потерпевшего, при которой негативная оценка личности ни при каких обстоятельствах не должна быть принята.

Так, примером имплицитной аллюзии было событие из агитационной избирательной компании «Справедливой России», решившей обыграть восьмое место партии в избирательном бюллетене и давшей своеобразные характеристики семерым соперникам с прозрачными намеками на известные партии: «Казнокрады России», «Слива», «Идиоты России», «Союз дураков и дорог» и др., после чего ролик партии запретили к показу (Ежедневная деловая газета РБК Daily. 2007. 12 ноября).

Итак, если аллюзии функциональны, то реминисценции в большинстве случаев несут лишь эстетическую и стилистическую нагрузку. Они служат для усиления

художественного образа, поскольку благодаря реминисценции сквозь него «просвечивает» пласт предшествующей литературы.

Следовательно, объектом лингвистической экспертизы является языковое явление в совокупности его семантических корреляционных связях, а не только сам факт его использования, поэтому необходимо выявлять мнение автора о личности и о фактах, имеющих к этой личности какое-либо отношение.

Исследование интертекстуальности, в частности аллюзии и реминисценции, позволяет эксперту-лингвисту анализировать и оценивать сложные полисемантические тексты, в которых оскорбление одновременно и филологически маскируется, и несет совершенно определенный психологический смысл.

Литература

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 2008.
2. Енгальчев В. Ф. Юридическая психолингвистика // Прикладная юридическая психология / под ред. проф. А.М. Столяренко. М.: ЮНИТИ, 2000. С. 399-406.
3. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Омск: Омск, гос. университет, 1999.
4. Молчанова Г. Г. Семантика художественного текста. (Импликативные аспекты коммуникации). Ташкент: Фан, 1988.
5. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996. №63-ФЗ.
6. Понятия чести, достоинства и деловой репутации. Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами / под ред. А. К. Симонова, М.В. Горбаневского. М.: Медя, 2004.